КРОКОДИЛ

№ 32 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

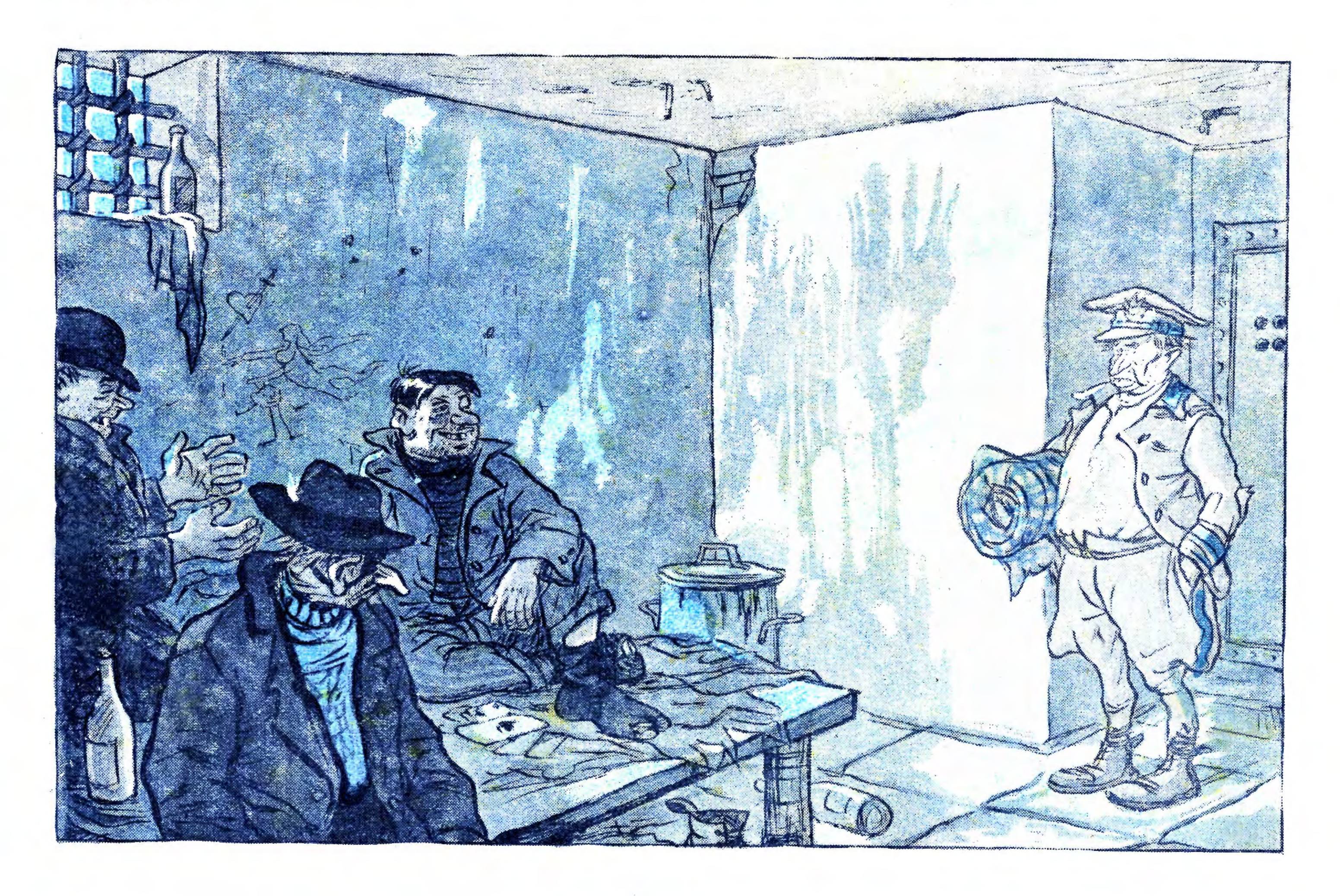
ДЕЛА ПЛОХЕШТИ

Рис. К. Елисеева

— Не пролейте! Больше оттуда не будет!..

Рис. И. Семёнова

ОБ АНТОНЕСКЕ НА ДАННОМ ОТРЕЗКЕ

— Это ещё кто?
— Не беспокойтесь!.. Свои!..

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ЖЕНЕВА. Здесь передают, что известные русские туристы Яковлевы, Лавочкины, Петляковы и Туполевы посетили надних Кенигсберг, Тильзит и ряд других городов Восточной Пруссии и остались очень довольны видами этих местностей после своего посещения.

СТОКГОЛЬМ. Получено сообщение с советско-германского фронта, что русское артиллерийское соединение попало в «мешок»: попадание было исключительно точным — в мешке обнаружены остатки трёх немецких дивизий.

БЕРЛИН. В местных литературных кругах стало известно, что Геббельс в последнее время блестяще проявил себя как переводчик. За короткий срок ему удалось перевести в Аргентину бо́льшую часть своего состояния.

ВЕНА. Здесь категорически опровергают утверждение, будто Гитлер — выходец из Австрии. Осведомлённые круги указывают, что в настоящее время он является лишь выходцем из Украины, Белоруссии, Молдавии, Италии, Франции, Румынии, Бельгии, Люксембурга и Финляндии. Выходцем же из Австрии он будет в ближайшее время.

БЕРЛИН. Германское информационное бюро считает клеветой последние сообщения радио Бухареста, что немцы сейчас очищают Румынию, ибо всему миру известно, что немцы о ч и щ а л и Румынию уже свыше трёх лет.

ПАРАД АЛЛЕ!

Приказом Геббельса в империи
Закрыты цирки и зверинцы.
Жокеи служат в кавалерии,
Канатоходцы — пехотинцы.

Жонглёры-клоуны отправлены
В ряды немецкой авиации,
Чревовещатели оставлены
При министерстве информации.

А укротители Германии
Из львиных клеток и слоновников
Назначены для обуздания
Германских генерал-полковников.

С. МАРШАК

Рис. Л. Бродаты

— Предлагаю, фрау, оригинальную игрушку — «Европейская крепость».
— Скажите, а что-нибудь попрочнее у вас имеется?

Несколько строк

Мюнхен. 25.8.44.
Мой нежный ангел Амалия! Я пишу тебе всего несколько строк, но эти строки полны ужаса, как полно им и моё бедное маленькое сердце!! О, Амалия!!! Пожалей свою Минну! Мой Иоганн... у русских в плену!!! Амалия, ты—и только ты—можешь понять меня! Ты знала его нежное сердце, его душу... И вот теперь моего Иоганна окружает грубое понятие — «плен».

Как он любил всё прекрасное! Я тебе пишу, а с полочки, грациозно изогнувшись, смотрит на меня его любимица — терракотовая статуэтка танагра. Иоганн приобрёл её ещё в самом начале, в Варшаве. Это целая история. Он нашёл её в квартире одного старого польского художника. Иоганн писал, что как только он её увидел, у него так и зачесались руки! Я знаю, это абсолютно похоже на него!! У него всегда чесались руки при виде красивых вещей. Но только он потянулся к статуэтке, как этот старый дикарь схватывает её и... швыряет в окно!! Ну, дорогая Амалия, тебе не надо объяснять, что мой муж в порыве негодования немедленно отправил этого польского дикообраза вслед за его штучкой!! Впрочем, танагра оказалась более прочной, чем её хозяин, который так и остался лежать на панели, а статуэтка в вате!!!—в трёх коробках!!! поехала ко мне в Мюнхен. Но... что толку???!!! О, Амалия!

Слёзы душат мне горло. Я беру чашку, чтобы принять несколько капель для успокоения нервов, и снова воспоминания наплывают на меня...

О, эти чашечки севрского фарфора, просвечивающие на солнце словно лепестки белых

анемонов! Надо было иметь изысканную душу и утончённую культурность Иоганна, чтобы унести из французского музея именно их, уникальные произведения, стоящие бешеных денег, тогда как другие, пыхтя от натуги, тащили пудовые малоценные вазы и громоздкие статуи!!!

Какое это было сердце!!! Прости мне, Амалия, слёзы капают на бумагу. Я достаю носовой платочек, и снова и снова воспоминания!..

Вот этот платочек... Он был среди прочих вещей в битком набитой посылке! Её я получила от Иоганна ещё в 41-м году уже с русского фронта. Чего-чего в ней только не было!!! И чернобурая лиса, нежная, словно цыплячий пух, и котиковое пальто, беспросветно чёрное, как затемнение в Мюнхене! Правда, немного поношенное, но я тогда же послала Иоганну срочное письмо, чтоб он не стеснялся и что я ничего не имею против поношенных и даже припачканных вещей, лишь бы они были достаточно шикарны! Кроме того в посылке были туфли, туфли и туфли... Некоторые оказались мне впору, другие — нет, но я не виню бедняжку Иоганна. В горячечной атмосфере его работы какие снял с ног, такие и ладно!

Но самое забавное в том, что со свойственной ему акуратностью к каждой вещи он прикрепил билетик с ценой — «1.000 марок», «10.000 марок»... Я прямо чуть с ума не сошла! Неужели, думаю, при его практичности и гуманном отношении к нашим средствам он умудрился платить неизвестно кому и неизвестно зачем такие бешеные деньги??!! Но потом я хохотала, как безумная! На дне посылки оказалось письмецо, где, с присущим ему мягким юмором, он сообщал, что цены эти... номинальные!! Ты понимаешь? Он в шутку прикрепил эти билетики, чтобы я поняла, что его любовь ко мне, даже по приблизительной рыночной цене, стоит не меньше 50 тысяч марок! Но он-то, конечно, не пострадал ни одним пфеннигом! До чего же это остроумно, не правда ли?!

Так вот этот платочек лежал среди других вещей со смехотворно скромным билетиком — «10 пфеннигов»! Впрочем, оценка была правильная: кружевцо хоть и очаровательное, но с одной стороны было недошито, а посредине безобразило изящную вещицу бурое кровавое пятно. В письме Иоганн не забыл и про это: «Дорогая, прилагаю недостающий кусочек кружев, найденный мною в рабочей шкатулке, пятно же тщательно отмой в тёплой мыльной пене...»

О, Амалия, у кого ещё я найду такое нежное, заботливое сердце?

У кого?.. Ты, может быть, думаешь, что я не задавала себе этот вопрос? Ты ошибаешься! С тех пор, как я узнала, что Иоганн в плену я, ложась спать и просыпаясь утром (но в особенности, ложась спать), задаю себе этот вопрос: «У кого?»

Я перебрала мысленно всех знакомых мужчин. Что я найду, например, у Карла? Сердце?! Нет, у него не будет такого сердца. И только что я со свойственной мне сентиментальностью так сладко размечталась об этом, как в ту же минуту вспомнила самое главное — я же не найду самого Карла! Вот уже год, как он пропал без вести на русском фронте!

Фридрих? Но он тоже пропал без вести, только не на фронте, а совсем надпях в гестапо...

Конрад? Но про него говорят шопотом, что для того, чтобы избежать тотальной, он сделал над собой такое, что об этом порядочной даме даже нельзя мечтать?!

Амалия, почему, когда я пишу эти слова, у меня холодеют пальцы??? Нет, просто потому, что надо кончать. Ведь я хотела написать несколько строк, а получилось большое письмо! Осторожно целую твои крашеные губки.

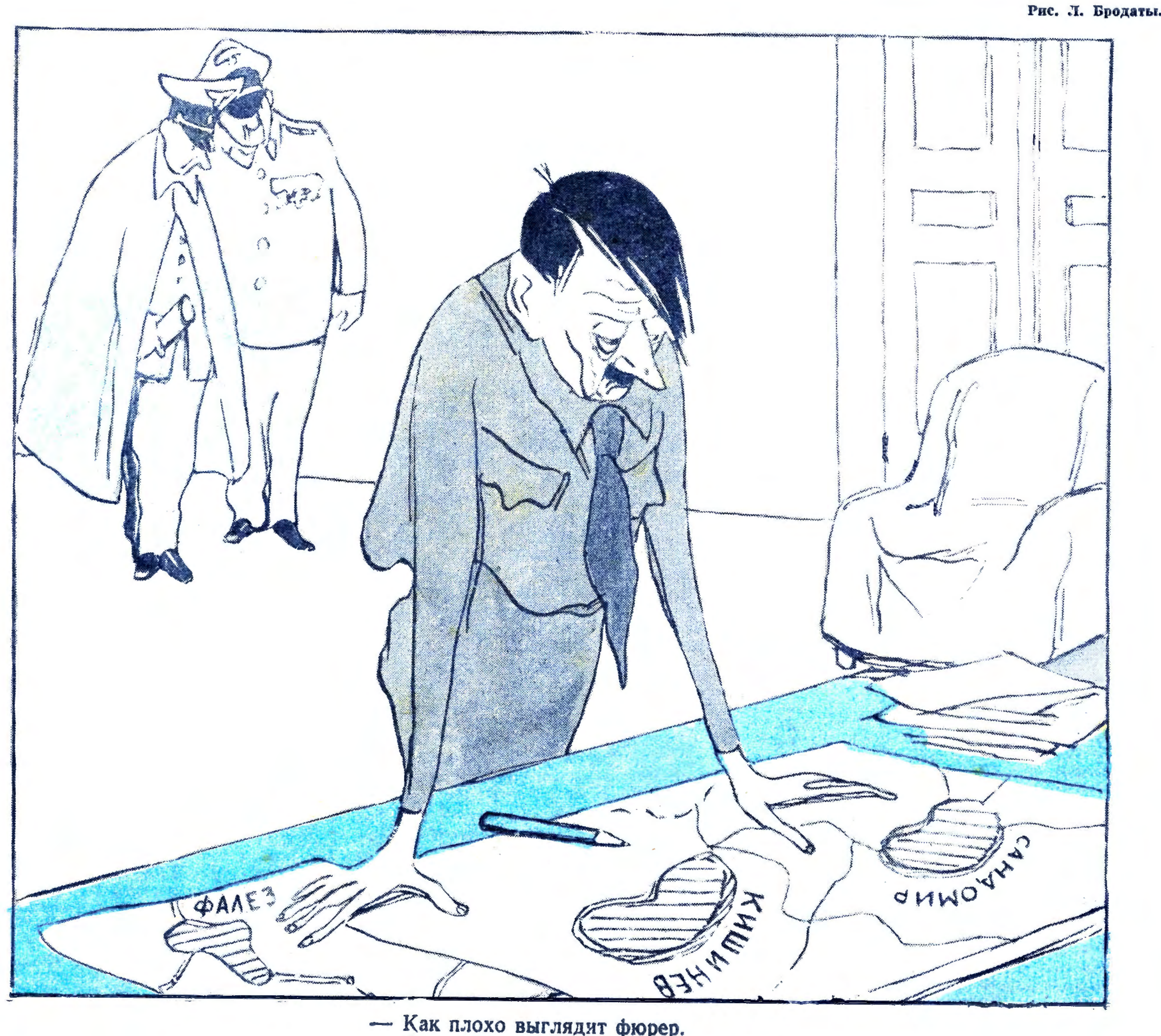
Минна Лудер.

P. S. Кстати, как я довольна, что Иоганн не убит, а только в плену. Если бы он был убит, мне бы понадобилось чёрное платье и пришлось бы или заказывать траурное,—это при теперешней дороговизне!—или перекрашивать в чёрный цвет моё парижское гри перль, и тогда бы я умерла с горя!!!

Целую, целую, целую! Твоя М. Лудер.

В. КАРБОВСКАЯ

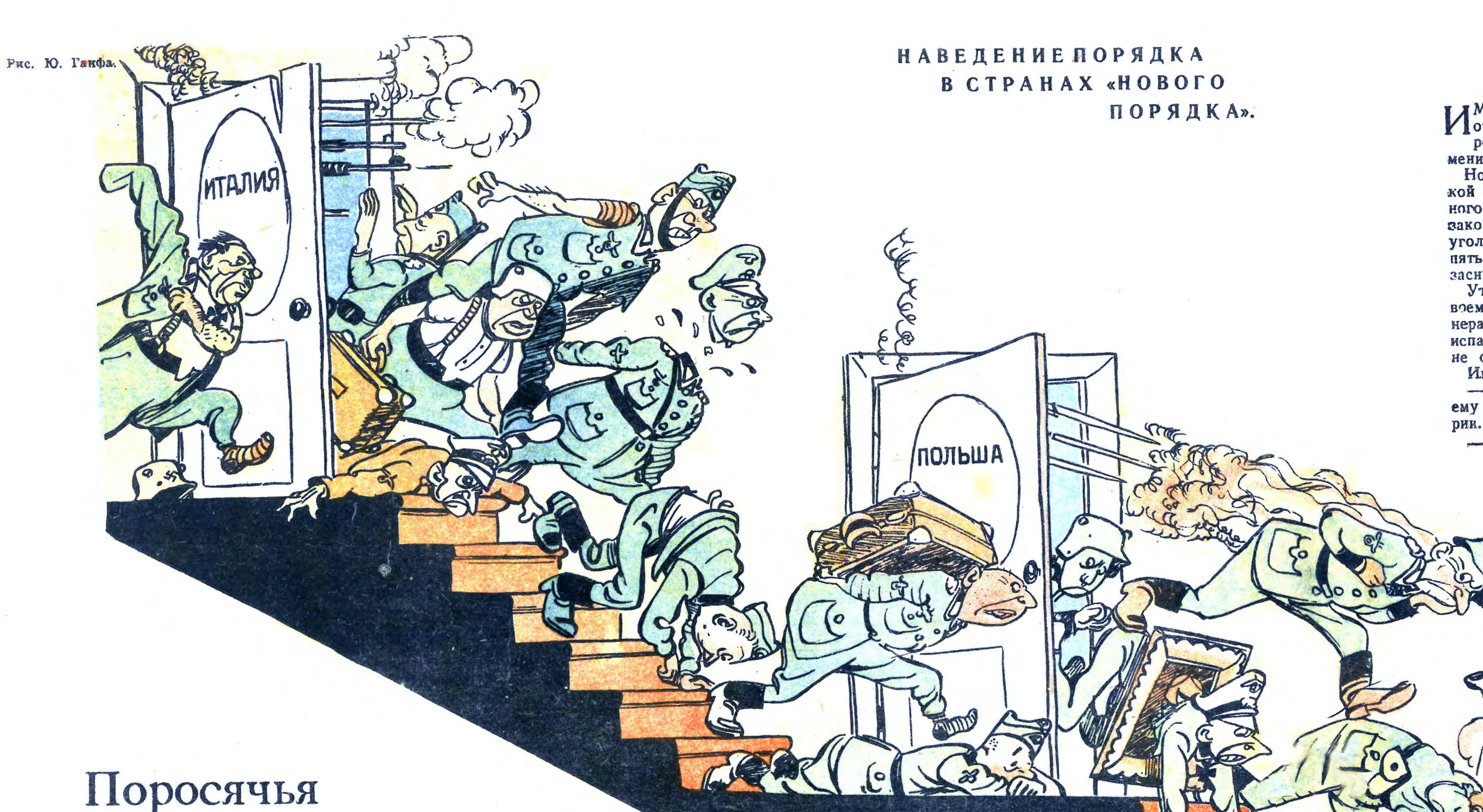
Рис. Л. Бродаты.

— Как плохо выглядит фюрер.
— О, да! У него такие мешки под глазами.

Рис. Ю. Ганфа.

НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА В СТРАНАХ «НОВОГО ПОРЯДКА».

(Продолжение следует.)

О пользе сумасшествия

ИМРЕ Кетеши бо́льшую часть своей жизни отдыхал. А отдыхал исключительно в тюремных замках различных городов. Не изменил он своей привычке и в дни войны.

Но вот наступило лето 1944 года. Глубокой ночью Имре арестовали. Ничего необычного в этом событии не было. Имре как раз закончил одно солидное дельце, которое, по уголовному кодексу, сулило, по крайней мере, пять лет каторжных работ. Он безмятежно заснул в отведённой ему камере.

Утром его разбудили и под усиленным конвоем немецких солдат куда-то повели. Жизнерадостное настроение арестованного стало испаряться с той минуты, когда конвойные не остановились у прокурорского дома.

Имре доставили к германскому послу.

— Поздравляю вас,—официально заявил ему посол,—вы назначаетесь министром Венгрии.

— Не погубите!—падая на колени, застонал Имре.—Жена, дети...

Всё было напрасно.

— Я должен вас конфиденциально предупредить,— пошёл на хитрость аферист,— что я беглый каторжник.

— Это не имеет значения.

— Я убийца, на моей совести сотни жертв.

— Чудесно. Мы таких и ищем.

— Я участвовал в ограблении государственного банка,— не сдавался Имре.

— Отлично. Мы поэтому вас и назначаем министром финансов.

В эту-то минуту арестованному пришла в голову гениальная мысль.

— Я сумасшедший!—заявил он, яростно вращая белками глаз.

— Это мы проверим.

Через час к Имре в камеру пришёл врач. Это был приятель, в прошлом не раз помогавший Имре, когда нужно было выкарабкаться из цепких лап Фемиды.

— Друг мой,— обратился арестованный к врачу.— Дело вот в чём. Немцы назначили меня министром. Сам понимаешь, это хуже петли. Русские бьют наших и в хвост и в гриву. Тут о собственной шкуре надо думать, а меня в министры хотят упечь. Вот я и решил прикинуться сумасшедшим. Будь другом, дай мне удостоверение в том, что я сумасшедший.

— Ты не хочешь быть министром?

— Ни за какие коврижки!

— В таком случае не дам я тебе свидетельства,— категорически отрезал доктор.— Раз ты отказываешься принять предложение германского посла,— значит, ты умнейший человек. А вот когда ты согласишься сделаться министром, тогда я тебе свидетельство выдам.

Участь Имре была предрешена.

И. ВЕРХОВЦЕВ.

УМИРАТЬ, ТАК С МУЗЫКОЙ!

Гитлеровская газета «Дас рейх» сообщает, что недавно один известный в Берлине музыкант казнён за то, что он «в кругу своих знакомых подрывал военный дух».

Вышло это приблизительно
Вот так:
Музыкант был удивительный
Чудак.
Оценивши неудачи
На Днестре,
Грустный вальс играть он начал
На заре.
Вальс соседка услыхала
И всерьёз
За стеною проливала
Реки слёз.
А другой сосед таланта
Был Эс-Эс.
Проявил он к музыканту
Интерес.
— Подрывает, мол, некстати
Дух вдовы,—
И лишился подрыватель
Головы!
И теперь, узнавши сводку
Из газет,
Все свистят мотивы ходких
Оперетт.

Юрий ФИДЛЕР

ПРИКАЗ ФЮРЕРА

В одном из оврагов в лесу собралась недобитая группировка немцев.

Радист только что принял последний приказ Гитлера:

«Ни шагу назад. Всем оставаться на том рубеже, где их застанет приказ».

— Мы свято выполним приказ фюрера,— говорит недобитый командир недобитого корпуса недобитым фрицам,— мы не сдвинемся с места, мы здесь же сдадимся русским!

Поросячья забастовка

КОГДА хромой фриц Блошке—старый мюнхенский колбасник — узнал, что Гитлер начал войну против Советского Союза, он радостно сказал своему сыну:

— Ну, теперь у нас будет для колбас и украинское сало!

Захлёбываясь и потирая жирные руки, он рассказывал сыну об апетитных розовых украинских поросятах:

— Я-то знаю, какое у них сало. Я попробовал его в прошлую мировую войну. Но русские перебили мне тогда ногу. Теперь другое время — у вас танки! Спеши, мой сын, на Украину и не зевай.

И Блошке-младший уехал на фронт под Одессу. Однажды в бою какой-то лихой морской пехотинец наскочил на долговязого Ганса Блошке, Ганс сообразил, что русский матрос может его убить, и застрочил из автомата. Однако промазал, а матрос старательно трахнул его по голове прикладом. Перед глазами Ганса стремительно поплыли разноцветные круги колбас.

Очнулся Ганс в лазарете от боли в руке и боку и долго хлопал рыжими ресницами, раздумывая, когда же русский матрос успел уколоть его штыком, да ещё и выстрелить.

В общем руку скоро ампутировали, проколотый бок заштопали, и недобитый Ганс поехал обратно в Германию. Старый Блошке встретил сына с огорчением, и ему стало ясно, что сын не завоевал русских поросят, потерял левую руку и в связи с контузией даже стал заикаться.

— Ничего, ничего,—утешал сына старый Блошке,—это ещё хорошо. Ведь русские могли тебе оторвать и голову. Теперь ты, мой сын, инвалид-фронтовик, имеешь право поступить на имперские курсы свиноводов, которые готовят инспекторов-специалистов для восточных районов. У меня есть знакомства, и я это всё сделаю.

— Никс, никс,— сказал Ганс,— я в восточные районы не хочу.

— Ну тогда в Польшу.

Через год Ганс прибыл в Люблин, имея мандат специалиста по свиноводству. Туда же прибыли ящики, наполненные медными бляшками. Все они были изогнуты ввиде серьги, имели пару дырочек, номер и штампованную надпись: «Берлин».

По польским сёлам и хуторам завопили тёлки, дико завизжали поросята. Однорукий инспектор Ганс приступил к работе. Каждой тёлке, каждому поросёнку дырявили ухо и припистонивали медную серьгу-бирку, записывали номер бирки и наличный вес животного. У коров вымеряли суточный удой и тоже записывали в книгу.

В каждом селе Ганс объявлял:

— Весь скот имейт бирка. Свинка резать нельзя. Кто режет свинка или тёлка, тот будет умирайт. Свинка растёт. Мы будем взвесить и записайт в книгу. Свинка опять растёт, растёт, опять мы будем её взвесить и записайт в книгу. Свинка вырос большой, большой. Хорош! Мы её отправляйт в Германию. и там она станет колбас.. Понятно?

А через два месяца Ганс Блошке, производя инспекторский осмотр, с ужасом обнаружил, что во многих польских крестьянских хозяйствах наперекор природе и здравому смыслу поросята перестали расти. Он взвешивал и перевешивал сотни поросят, проверял бирки, но — странное дело — шли месяцы, а поросята не росли.

Инспектор Ганс не спал ночей. Из Берлина шли телеграммы. Имперское управление сельскохозяйственного министерства требовало усилить отправку крупных свиней. Но их не было. Поросята переставали расти, как только им надевали на ухо берлинскую бирку номер такой-то. Рыжий Ганс метался по хуторам и сёлам, требовал улучшить кормёжку поросят, уход и прочее. Крестьяне соглашались, одобрительно говорили: «Так, так»,— а дело не улучшалось. «Поросячья забастовка» охватила многие районы.

Впрочем, когда подошла Красная Армия, польские партизаны поймали этого длинноногого Блошке. Партизаны улыбались и говорили, что «Блошке тоже теперь не будет расти». Так инспектор Ганс и не узнал секрета «поросячьей забастовки».

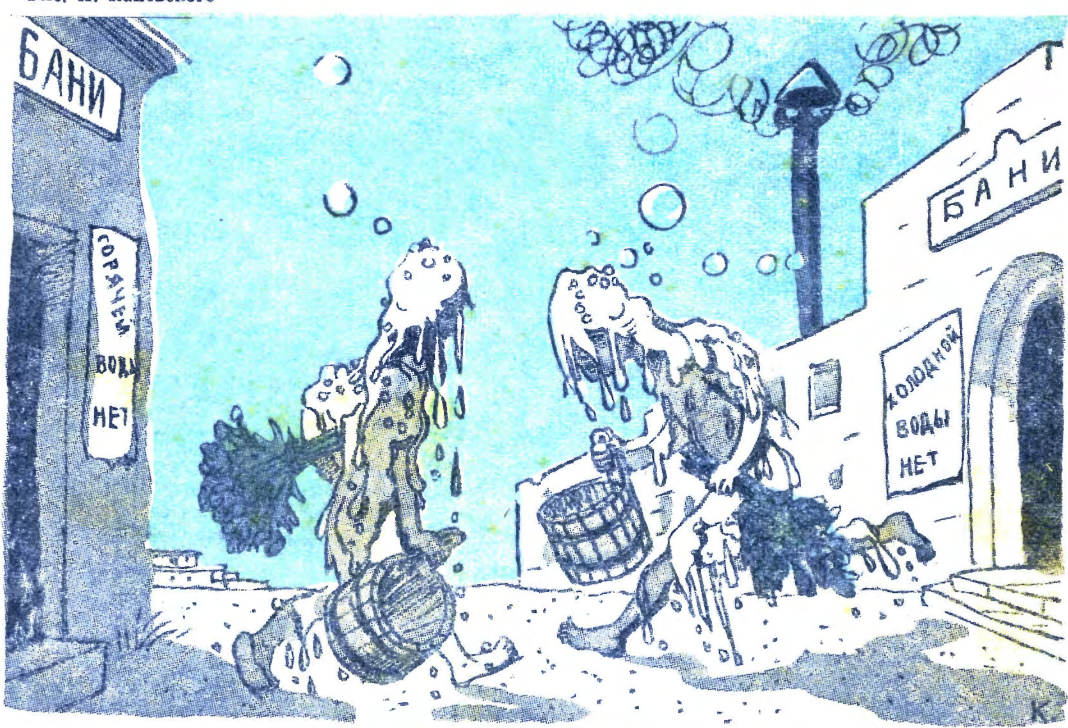
Теперь этот секрет, пожалуй, можно раскрыть. Будем правдивы и скажем честно, что польские поросята и при немцах росли нормально, быстро, но как только подходил установленный день контрольного обмера и взвешивания, крестьянин заранее добывал на стороне маленького поросёнка-одновеска, прятал выросшую свинью, а бирку-серёжку перевешивал на ухо новому хрюкающему двойнику...

Майор В. БАСКАКОВ.

Действующая армия

ГИГИЕНА В АШХАБАДЕ

Рис. А. Каневского

Мы видим здесь двух ашхабадских граждан. Один бежит из горячей бани в холодную, другой — из холодной в горячую. Положение осложняется тем, что бани так близко друг от друга только на нашем рисунке.

ОТДЕЛ ГОЛОВОЛОМОК

В целях поощрения творческой самодеятельности своих читателей Крокодил решил завести отдел головоломок.

В этот отдел, как говорит самое название, мы будем давать только головоломные документы.

МИНУСИНСКАЯ АБРАКАДАБРА

На запрос командования воинской части об оказании помощи семье красноармейца тов. Терещенко из Минусинска пришёл следующий ответ:

Майору Блохину

Исполком Минусинского райсовета на Ваш запрос от 12-го мая с. г. за № 39 сообщает о том, что жена тов. Терещенко К. М. — Терещенко Анастасия Николаевна, проживающая в с. В.-Коя под не находилась и не находиться, работает в колхозе.

Инспектор по жалобам

Ханженкова.

БЕЛИБЕРДА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ

В адрес центральной бухгалтерии Наркомморфлота с Дальнего Востока поступила телеграмма:

Москва Наркомморфлот ОИНН Олигскому Дальморпуть 169 находки 0724 24 27 2305.

0520 милок опятб вот врал номера тепнр мне ра тыв эююшем немсли в какой должен войти сию се там првилно АА ну хор.

Где-то в Москве

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ-ОБОЗРЕНИЯ

Осенью 1941 года неизвестная женщина вынесла с поля боя раненого лейтенанта Мельникова, находившегося в бессознательном состоянии. Никогда не видевший своей спасительницы, Мельников знает только, что она москвичка и зовут её Анна Петровна Смирнова. Очутившись в Москве, Мельников разыскивает её по адресам, полученным в адресном столе. Поиски приводят его, между прочим, в квартиру рабочего Смирнова.

Квартира в рабочей семье. За столом сидят старики Пётр Степанович Смирнов и Пелагея Ивановна Смирнова. Пелагея Ивановна пришивает подворотничок к гимнастёрке, Пётр Степанович только что кончил ужинать и, надвинув очки на кончик носа, читает газету.

I.

Старик (стукнув кулаком по столу):— Видишь! Я тебе говорил. Так оно и есть! Прямо беда!

Жена:—Что там случилось?

Старик: — Опять эта Аргентина виляет!

Жена:—А ты, Петенька, плюнь на Аргентину! Ну её! Не обращай внимания! Не стоит из-за этой Аргентины нервы себе трепать!

Старик:—Нет, ты только подумай: Рузвельт лично обращается...

Жена:—Ну, и пусть обращается, а ты не вмешивайся!

Старик:—Я всегда говорил: если на Аргентину как следует не нажать...

Жена:—Петенька, ну зачем тебе, с твоим сердцем, нажимать на Аргентину?

Старик:—Вот всегда ты занимаешь неправильную позицию! Надо, чтобы Аргентина и Бразилия поняли...

Жена:—У меня, Петенька, на эту Аргентину времени нет... Вот третий день не могу починить Анечке гимнастёрку.

Старик:—Анечка, Анечка!.. Ты всё со своей Анечкой... А я из-за неё сраму не оберусь! Дочка!.. Единственная!..

Жена:—Ну и что?

Старик:—Отца родного побила! Позор!

Жена:—Анечка? Побила?

Старик: — А почему? Потому что у неё воспитание такое!

Жена:—Не может быть! Как у неё только руки поднялись?

Старик:—Так и поднялись! Потому золотые у неё руки и моё воспитание!

Жена:—Хорошее воспитание!

Старик:—Ну ничего! Я со своими стариками договорился, и завтра мы всю их бригаду побьём! Мы не допустим, чтобы какие-то девчонки побили нас на целых двадцать семь с половиной процентов.

Жена:—Фу, ты... напугал меня только! Ты лучше скажи: Анечка скоро придёт? Тут письмо для неё.

Старик:—От Виктора? А ну, покажи!

Жена:—Ну, ну, ты только не вскрывай!

Старик:—А зачем вскрывать? Я, мать, такие письма прямо через конверт могу читать. А ну, где мои очки? Значит, так: милая, родная, ненаглядная моя...

Жена:—Звёздочка...

Старик:—Правильно! Мою суровую боевую жизнь освещают твои...

Жена:—Глазки!..

Старик:—Правильно! Мечтаю о тебе и...

Жена:—Ну, ладно, приехал бы только поскорей, а то ведь совсем Анечка извелась.

Старик:—Ну уж и извелась! Знаю я этих, нынешних... Не успеет жених до вокзала доехать, как уж разные кавалеры названивать начинают!

Жена:—Ну наша-то Анечка не такая!

Старик:—Не такая... Я теперь ни за кого не поручусь, даже за тебя!

Жена:—Да будет тебе...

Старик:—Вот возьми, например, Лидку Степанчикову. Как к телефону ни подойдёшь, так начинается: «Лидочка дома? Попросите Лидочку! Лидочку позовите!..» Из-за этих лейтенантов к телефону хоть не подходи.

Жена:—А откуда ты знаешь, что это всё лейтенанты?

Старик:—Я ваше сердце женское как свои пять пальцев знаю; любой лейтенант любое женское сердце в любую минуту форсирует!

Жена:—Глупости ты говоришь! Наша Анечка, кроме Виктора, никого не знает, никто к ней не ходит и никаких знакомых лейтенантов у ней быть не может. (Стук в дверь.)

Мельников (входя): — Разрешите войти? Анну Петровну Смирнову можно видеть?

Жена:—Лейтенант!

Старик:—Вам кого? Лиду?

Мельников:—Нет, Анну Петровну.

Старик:—Вот! Любуйся. А нельзя ли, молодой человек, узнать, по какому такому делу вам Анна Петровна понадобилась?

Мельников:—Видите ли, мне обязательно нужно с ней повидаться!

Старик:—Нет у неё времени на эти свидания. До свидания!

Мельников:—Это почему же так?

Старик:—Занята-с! Она сейчас жениху своему любимому на фронт письмо пишет!

Мельников:—Но какое это имеет отношение?

Старик:—То-есть, как это, какое отношение? Человек там с немцами воюет, а вы...

Мельников:—И я воюю!..

Жена:—Ну чего ты, Петенька, кипятишься? Чего ты на них накинулся? Садитесь, молодой человек, может, чаю выпьете?

Старик:—Садитесь!

Мельников:—Спасибо! Только времени нет, спешу очень...

Старик:—Ну, ладно, ладно, садитесь! Где с нашей Анечкой познакомились?

Мельников:—Да я с ней, папаша, собственно, и незнаком! Только обязательно нам познакомиться надо!

Старик:—Почему?

Мельников:—Потому что вполне возможно, что ваша Анечка мне жизнь спасла.

Старик:—Да ну?

Жена:—Садитесь, дорогой. Что ж вы стоите! Сейчас чайку выпьем.

Старик:—Чайку! Слыхал, что говорит?

Ты нам, мать, не чайку, а чего-нибудь покрепче давай. Где у нас там тархун стоит?

Мельников:—Нет, спасибо...

Старик:—Спасибо потом!

Жена:—Ай да Анечка!

Старик:—Как же она вам жизнь спасла?

Мельников:—Ваша Анечка была на фронте?

Старик:—А как же! Была, была!

Мельников:—Под Смоленском?

Старик:—Да.

Мельников:—Ну, вот. Значит, она.

Старик: — Как же это дело было?

Мельников:—Когда в сентябре немцы прорвали нашу оборону и Аня осталась в тылу у немцев...

Старик:—Погоди, погоди... не было этого!

Жена:—Анечка ещё в конце августа с заводом эвакуировалась!

Мельников:—В конце августа?

Старик:—Конечно!

Мельников:—Простите, но я, очевидно, ошибся! Дело в том, что у меня тут несколько адресов — и все Смирновы, и все Анны Петровны.

Старик:—Значит, выходит, что вам другая Анна Петровна Смирнова жизнь спасла?

Мельников: — Выходит, так.

Старик: — Жаль! Выходит, будто наша Анечка ничего для вас и не сделала? Неправильно это, молодой человек. Вы знаете, она какую продукцию выпускает?

Мельников: — Не знаю.

Старик: — Эх, сказал бы я вам, да военная тайна! Одним словом, может быть, и она вам жизнь спасла, и не только вам.

Мельников:—И даже, наверно, папаша! И вы своей Анечке моё спасибо передайте. А только сейчас мне другую Анну Петровну найти нужно, которая меня из-под огня вытащила.

Старик: — Так чего же ты сидишь? Иди скорей, ищи её!

Мельников: — Вот именно! Я всего на один день в Москву... вечером на фронт еду. А у меня тут 10 адресов!

Жена: — Может быть, всё-таки закусите, выпьете?

Мельников: — Нет, спасибо, побегу... времени мало...

Старик: — Ты уж его, мать, не задерживай. Иди, лейтенант! Желаю тебе удачи! Жаль, конечно, что не наша. Но ты не думай, наша Анечка — тоже человек настоящий!

Мельников: — Знаю, знаю, папаша! Не сомневаюсь! Привет передайте ей от меня горячий!

Жена: — И Анечку эту, как найдёте, обязательно за меня расцелуйте!

Мельников: — Обязательно расцелую! (Уходит.)

Старик: — А ну, мать, налей (берёт рюмку). За здоровье Анны Петровны Смирновой!

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Дикорастущие

Из всей богатой сокровищницы человеческой речи Канареев чаще всего употребляет самые срамные, наиболее густо поперченные выражения.

Весь день только и слышна эта трёхэтажная пулемётная очередь — тра-та-та, трах-тах-тах...

Деловая ли встреча, компанейская ли беседа, телефонный ли разговор, в присутствии ли знакомых или людей ему неизвестных, при стариках или подростках, в обществе детей или женщин — всегда и всюду из Канареева, как из дырявой бочки, густо течёт похабщина.

Он никого не стесняется. Наоборот. Выругавшись особенно заковыристо, он окидывает присутствующих взором триумфатора. Дескать, вот какой Канареев остроумный!

Он не замечает, что его жаргон вызывает у нормальных людей чувство отвращения. Нет, он полагает, что в его словесности особый шик. «Канареев, мол, простой парень, хороший мужик, свойский и в карман за словом не полезет».

Он директор какой-то базы, имеющей касательство к лесотаре. Раньше он занимался пухом и пером. А до пуха и пера — хомутами и уздечками.

Не справлялся ни с пухом, ни с хомутами, как сейчас не справляется с бочками.

Но вид у него всегда такой, как будто он только что, сию секунду, положил живот на алтарь и спас отечество.

К тому же одет он с головы до ног в мануфактуру защитного цвета — точно полчаса тому назад прибыл с передовых позиций или же минут через пятнадцать бросит все дела и кинется на прорыв вражеской линии обороны.

Раз спросил я Канареева:

— Как ваше мнение о делах в Югославии?

Он махнул рукой:

— Это, брат, не по моей части. Ты об этом потолкуй с Сыромятниковым, он у нас редактор газеты.

Как-то в беседе с ним я затронул один не очень сложный теоретический вопрос.

Канареев стал свирепо зевать:

— Это, брат, не по моей части. Об этом спроси агитпропщиков наших.

Однажды я полюбопытствовал, бывает ли он в театре.

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Что ты?.. Это, брат, не по моей части. Это вот Клава, секретарша,—та шкандыбает по театрам и всякие романы читает.

И чуть что он кладёт на стол засаленный от частого прикосновения аргумент:

— Теперь, брат, не до того!.. Теперь, брат, война!..

Я с горечью наблюдаю за Канареевым. Меня терзает вопрос: чем живёт он, если не считать варёной колбасы и солёных огурцов? Чем заняты его голова и сердце?

И ведь не один Канареев слеплен из такой глины. Пусть они одиночки, но такие дикорастущие экземпляры водятся во многих городах и весях.

Надиях случайно попался мне номер чкаловской областной газеты. Там я прочёл заметку «Неучи из Саракташа».

Вот что говорится в заметке:

«В Саракташе многие товарищи не читают газет, журналов, художественной литературы, не бывают на лекциях, докладах, не посещают кино и концерты...

Директор Саракташской МТС тов. Сухоручко почти двадцать лет занимает руководящие посты. Но трудно себе представить, насколько малограмотен этот уважаемый товарищ. Он, например, заявил, что Муссолини... заодно с нашими союзниками ведёт войну против гитлеровской Германии. Он понятия не имеет, кто такой маршал Тито, генерал де Голль... По мнению Сухоручко, «Анну Каренину» написал Чехов, а «Героя нашего времени» — Пушкин.

Мало порадовал также и председатель райпотребсоюза тов. Разборов. Он прямо признался, что «маленько отстал». То есть, кроме директив облпотребсоюза, больше ничего не читает:

— Знаете ли, заготовка яиц, товарообороты, деззакупки отнимают много, много времени...

Я читал эти строки и думал:

«Значит, на местах газеты уже заинтересовались дикорастущими. Может, доберутся и до Канареева. Ведь пишут же о плохом качестве его тары — о ящиках и бочках. Пора поставить вопрос и о качестве той пустующей тары, которая у Канареева называется головой».

Г. РЫКЛИН

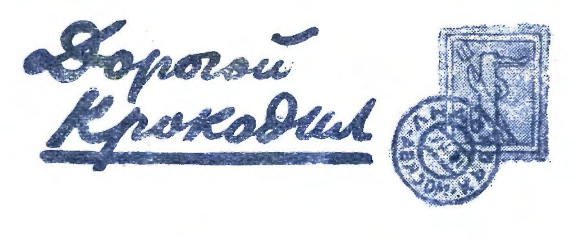
Рис. Д. Дубинского

В Минусинске за полтора года сменилось пять заведующих гортопом.

— Почему нет топлива?

— Транспорта не было. Перевозили заведующих.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Посылаю напамять редкостный экземпляр книги «Полководец Кутузов» Михаила Брагина. Перелистай и посмотри, как она оригинально отпечатана.

Видишь, вслед за 32-й страницей идёт 23-я, за 35-й страницей следует 22-я. Дальше простираются страницы 39-я и 18-я, 31-я и 42-я, 43-я и 30-я и т. д., и т. п.

Как же читать такую книжку? Разрезать ли ее в порядке самодеятельности на отдельные страницы и потом сложить согласно нумерации? Или, может быть, просто шпарить всё подряд, покамест не дойдешь до самого конца и не прочтешь, что книжка отпечатана в 6-й типографии Огиза в Москве?

А прочтя это, пожелать доброго здоровья и дальнейших успехов товарищам из 6-й типографии, открывшим новую страницу в полиграфическом искусстве.

К. МАЛЬЦЕВ,
заведующий сектором печати Ярославского обкома ВКП(б).

Ярославль.

Дорогой Крокодил!

В вагоне трамвая у меня украли сумочку с документами. Эта кража и послужила причиной крупного пограничного конфликта между работниками ижевской милиции. Начальники двух отделений милиции оспаривают право, кому именно из них производить розыски. Ни один из них по скромности своего характера ни за что не соглашается присвоить себе такую высокую честь. Каждый утверждает и доказывает, что кража произошла на подведомственной другому территории.

Пришлось прибегнуть к арбитражу городских организаций, которые решили спор в пользу 2-го отделения милиции. Но начальник 2-го отделения решил не сдаваться и мотивировал свою позицию тем, что самая операция по хищению моей сумочки, возможно, и началась на территории 2-го отделения, но завершена она была в 1-м отделении. Следовательно, искать вора должны в 1-м отделении.

К сожалению, я лично мало чем могу помочь в разрешении этого спора: злоумышленник не счёл нужным предупредить меня, что совершает кражу на такой-то улице. И вот из-за бестактности вора разгоревшийся между работниками милиции конфликт до сих пор нельзя ликвидировать.

Ф. ЦВИЛИНГ,
медицинская сестра эвакогоспиталя

Ижевск.

Пропаганда на сивухе

В геббельсовском ведомстве водится и такой «фрукт» — доктор Изелер.

Этому Изелеру, который в октябре ещё находился в Луцке, мы обязаны документом, исключительным по своей откровенности. Вот что писал «по поручению генерального комиссара Волыни и Подолии» Изелер отделению пропаганды в Брест-Литовске:

> «Из вашего письма от 24.9 явствует, что представленный в ваше распоряжение всего 6 месяцев назад запас водки в количестве 1.000 литров в основном вами израсходован. Вы, повидимому, были очень щедры в раздаче водки, если принять во внимание, что водку получают только те пропагандисты и активисты, которые отличились особыми достижениями в нашей работе по пропаганде. Вопрос о том, может ли быть Брестский водочный завод привлечён к дальнейшей поставке водки на нужды пропаганды, пока рассматриваться не будет, поскольку до сих пор водка для целей пропаганды поставлялась по заданию министерства из Познани».

Итак, по авторитетному свидетельству Изелера, мы теперь точно знаем, на чём «в основном» держится геббельсовское ведомство.

Пока имеется водка, — имеется и «пропаганда». Как вышла водка, — конец и «идейно-воспитательной» работе... Изелер иронизирует над своими подчинёнными: «Вы, повидимому, были очень щедры в раздаче водки...» Он не допускает мысли, чтобы в Бресте геббельсовская пропаганда могла иметь достижения в размере целой тысячи литров водки.

Поэтому Изелер и подпустил колкий намёк на то, что брестские «пропагандисты» выпить водку выпили, а дела не сделали... Но зато они настолько вошли во вкус водки, что пожелали «рационализировать» свою работу и предложили: не присылать водку в Брест из Познани, а получать её прямо с местного завода.

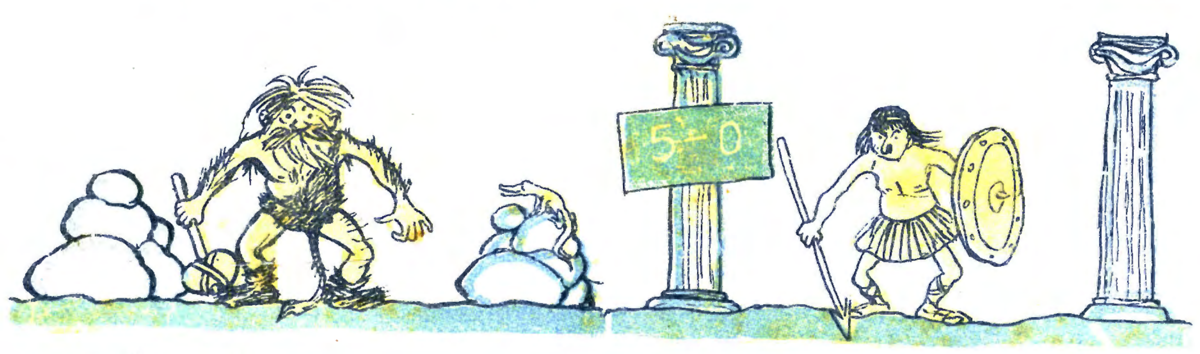
За шесть месяцев только в одном Бресте геббельсята выпили тысячу литров водки! Сколько же влили в себя горючего гитлеровские молодчики от пропаганды на всех территориях, которые были временно захвачены немцами? Этого не сосчитать ни одному математику!

М. ГУС

УГОЛОК СПОРТА

ИЗ ИСТОРИИ ФУТБОЛА

Рис. И. Семёнова

1. Каменный век.

2. Древняя Греция.

3. Древний Рим.

4. Древняя Москва.

— Почему народ собрался?
— Нина Думбадзе бросает диск на «Динамо», и, по нашим расчётам, он здесь упадёт

5. Сегодня на «Динамо».

— Какие же это туфли для бега? На них нет шипов.
—Есть. Они внутри.

ПРОСЬБА РАКЕТКИ

Но короток мой век —
Он не долее дня...

Будь же добр, человек,
И не трогай меня!..

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.
Адрес ред.: Москва, 40. Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал —1 руб. 60 коп. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 569. Подп. к печати 13/IX 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.
А 5282. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2148. Тираж 100 000 экз.